

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Александр АФАНАСЬЕВ

ОДЕССА НА КОНУ

Спецназ. Группа Антитеррор

Александр Афанасьев

Одесса на кону

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Одесса на кону / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2016 — (Спецназ.
Группа Антитеррор)

ISBN 978-5-699-91294-0

Офицер ГРУ Александр Беднов много лет живет в Стокгольме, где успешно работает частным детективом. Спокойная и размеренная жизнь разведчика в одночасье меняется, когда он вместе с группой полицейских из стран ЕС отправляется в Одессу готовить для новых украинских властей патрульную полицию европейского образца. Помимо преподавания зарубежные спецы выполняют еще и повседневную патрульную работу. Расследуя убийство журналистки Лизы Курченко, Беднов неожиданно выходит на высокопоставленных украинских силовиков, занимающихся нелегальной контрабандой оружия. Разведчик понимает, что попал в смертельную ловушку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91294-0

© Афанасьев А. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Граница Украины и непризнанного государства Приднестровье	6
Несколькими месяцами ранее	7
Спустя несколько месяцев	13
Одесса	21
Месяц спустя	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Афанасьев

Одесса на кону

*Бесы просят служить,
Но я не служу никому.
Даже себе, даже тебе,
Даже тому, чья власть.
И если он еще жив,
То я не служу и ему.
Я украл ровно столько огня,
Чтобы больше его не красть...*

Наутилус «Бесы»

© Афанасьев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Граница Украины и непризнанного государства Приднестровье Ночь на 27 августа 2016 года

Будущее не предопределено. Нет судьбы, кроме той, которую мы творим...

Так сказала Сара Коннор в ставшем уже легендарном «Терминаторе». Точнее – «Терминаторе-2». Если бы все происходило так, как описано в этом фильме, мы бы уже были мертвы. Сгорели бы в атомном огне нового Апокалипсиса.

Но пока что мы живы. Пока.

Я бы немного перефразировал Сару Коннор – наше будущее предопределено нашим прошлым. Мы все в ответе за то, что мы творим...

– Обидно...

– Что?

– Обидно, говорю...

Я прислушался. Они были совсем рядом...

– Здесь никого немає!

– Вони десь тут! Шукайте по всей нейтралке!

– Что – обидно?

Игорь, украинский полицейский офицер, с которым мы вместе попали в мясорубку и сейчас вместе пытались попасть в Приднестровье, плюнул перед собой.

– Развели как... лоха. Ведь видел, что ничего доброго не будет... видел. А все равно – поверил...

– Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть, – шепотом ответил я.

Вместо ответа Игорь вдруг встал в полный рост, поднял над головой автомат и пошел к дороге.

– Куда?! – почти крикнул беззвучно я, но Игорь меня уже не слышал. Он сделал свой выбор – мертвый лев лучше живого пса. Каждый делает свой выбор сам...

Несколькими месяцами ранее Стокгольм, Швеция 10 марта 2016 года

*Опять холода.
Зима на года,
И ангелы к югу летят.
Нам завтра в полет.
Тебе на восход,
А мне, по всему, —
на закат...*

А. Макаревич

Стокгольм, Швеция. Знакомые кривые улицы и знакомая брусчатка. Знакомые паромы в порту и знакомые холмы. Знакомая буржуазная размеренность бытия...

Я допил чашку кофе (пятую за день) и посмотрел на часы. Шестнадцать ноль-ноль...

Время ехать домой. Я открываю лавочку в девять ноль-ноль по местному и закрываю в шестнадцать ноль-ноль. Почему так? Потому что так работает здание, в котором я снимаю офисное помещение. А здание так работает, потому что так работают профсоюзы¹.

Сложил ноутбук, сунул в сумку на плече. Отключил кондиционер. Ничего не забыл? Если нет, то можно идти.

Перед тем как уходить, я вывел маркером на белой доске справа от двери большую букву «О». Или цифру «0». Это – количество клиентов у меня. Цифра – не меняется уже довольно долго, даже слишком долго.

Внизу – универсал «Вольво», семилетний, типично бюргерский – приветливо мигает фарами, снимаясь с сигнализации.

Это мой *currículum vitae*. В дословном переводе – сумма жизни. В плюсе – семилетний «Вольво», этот офис и квартира, довольно приличная, за которую я не плачу ни кроны. Плюс – наладившаяся личная жизнь. В минусе – все более невыносимая легкость бытия в Швеции, стране, которая для многих стала чем-то вроде града на холме...

Я – российский разведчик. Разведчик с неопределенным статусом. Если раньше во всех странах мира работали советские, а потом и российские нелегалы под прикрытием, то сейчас эта программа в основном свернута. Стоит ли рисковать судьбами десятков людей, если один подонки типа Потеева² способен разом все перечеркнуть. И что такого может узнать нелегал, чего либо нет в Интернете, либо нельзя узнать путем спутникового шпионажа?

Да практически ничего.

В поисках новых методов и форм работы за рубежом в Скандинавию послали меня. Мне уже за сорок, есть опыт участия в боевых действиях. Переехал в Скандинавию я открыто – сначала получил вид на жительство в одной из прибалтийских стран в обмен на инвестиции – сейчас это происходит часто, паспорт с Шенгеном в обмен на инвестиции в экономику страны. Уже из Прибалтики я перебрался сюда, в Швецию, выучил язык и получил «позитив», то есть вид на жительство. Тоже пришлось немного заплатить. Если бы кто-то начал копать в моем

¹ Приезжая в Европу, например во Францию, где сильные профсоюзы, иногда удивляешься, время детское, а все магазины или аптеки закрыты, и нужного не купить. А круглосуточной аптеки днем с огнем не сыскать. Это все из-за профсоюзов.

² Полковник Александр Потеев – начальник отдела, занимавшегося в СВР курированием агентов-нелегалов в США. Бежал в США, выдал десять агентов, в том числе Анну Чапман. До сих не утихают споры, насколько ценны были эти агенты или та же Чапман, которая занималась отмыванием денег, и не более того.

прошлом в России, то обнаружил бы там два уголовных дела, сейчас закрытых. Это может объяснить, почему я решил покинуть родину.

Мое главное отличие от классического агента-нелегала – это то, что я способен не только наблюдать, но и действовать. У меня даже есть легальный статус частного детектива с регистрацией в полиции. Ценность агента-нелегала, который просто отслеживает ситуацию и передает информацию, после появления Интернета резко упала. Сейчас информация идет такими потоками, что не надо больше встречаться в темных аллеях, достаточно просто зайти в интернет-бар и отправить кому-нибудь сообщение, зашифрованное в фотографию методом стеганографии³. Или просто форумы почитать.

А вот агент, который находится в той или иной стране и способен предпринять какие-то силовые действия, – это то, что нужно. Как в случае с захватом нашего судна, нелегально доставлявшего в Сирию большое количество военного снаряжения. Его захватил брат Хабиба Фараха Ахмеда, того еще ублюдка, вышедшего из пиратского бизнеса сукина сына, перебравшегося в Швецию на халявные хлеба. Как потом оказалось, судно он захватил по сговору с американцами, чтобы таким образом пресечь наши поставки военного снаряжения в Сирию. Мы – я и несколько спешно посланных морских пехотинцев – схватили Хабиба Фараха Ахмеда прямо на улице Стокгольма, вывезли на один из островов и потребовали у него позвонить своему братцу и сказать, чтобы тот убирался на хрен с захваченного судна. Брат, кстати, так и сделал – вот только американцы в тот день были настроены решительно и не хотели допустить нашей победы любой ценой.

В итоге корабль взорвался, а я – провернул ответную операцию, после чего пришлось скрываться от мести американцев в самой Сирии. Меня нашла – вы не поверите – агент СЕПО, шведской разведслужбы, журналистка по имени Абаль и попросила найти ее подругу (близкую подругу), шведскую журналистку чеченского происхождения по имени Сана Ахмад. Как оказалось, ее отправили в Косово с тем, чтобы разнюхать, что происходит, – но американцы, которые в тот момент готовили в Косове серьезную спецоперацию, убрали ее руками албанских бандитов. И мы, прибыв на место, обнаружили труп Саны Ахмад в яме вместе с еще тремя десятками трупов. Спасти ее мы не смогли, но смогли серьезно отомстить, убрав одного американца и завербовав другого. Кроме того, как оказалось, в шведской СЕПО на самом верху сидит человек, который сильно разочаровался во всем и потерял веру. Именно благодаря ему я снова оказался в Швеции и до сих пор не арестован.

Еще у меня появилась женщина. Та самая Абаль, журналистка и по совместительству агент шведской спецслужбы. Вообще-то она сама себя считает лесбиянкой и до встречи со мной жила с Саной Ахмад, они даже хотели вступить в гражданское партнерство, то есть заключить однополый брак. Но теперь она живет со мной в нормальном, пусть и гражданском браке. Как сказал по этому поводу мой куратор и сослуживец Жека, в миру Слон, нет никаких лесбиянок, а есть женщины, которые не встретили достойного мужчину. Но это говорит его заско-рузлая гомофобия, а я-то знаю, как все на самом деле. На самом деле все сложнее. И страшнее. Швеция действительно дошла до того, что однополые отношения в людском сознании приравнены к нормальным, и поколение Абаль (а она мне почти в дочери годится) запросто переходит из нормальных отношений в однополые и обратно. Есть немало людей, которые вдруг в тридцать, в сорок, в пятьдесят лет понимают, что они «не такие, как все», расторгают нормальный брак и находят себя в браке гомосексуальном, этому даже посвящена детская песенка «Два папы». Спросите, а откуда дети? А ниоткуда! Детей делают такие вот подонки, как Хабиб Фарах Ахмед – у него было несколько жен, с которыми он состоял в никяхе, то есть исламском незарегистрированном браке, делал им детей. А каждая его жена встала на учет как нуждающаяся многодетная мать-одиночка и получала пособие, с каждым новым ребенком – все большее.

³ Стеганография – метод шифрования, предполагающий преобразование текста в изображение.

Все мусульмане, которым повезло получить «позитив», то есть вид на жительство, так делают. Потому самое популярное в Швеции имя для новорожденного – Мухаммед, а в городах есть кварталы, в которые не суется полиция и которые давно живут по законам шариата. Немало шведов – в том числе и нормальных шведов – принимают радикальный ислам и отправляются в Сирию воевать за ИГ. Есть даже такая разновидность ислама сейчас – ислам викингов⁴.

Впрочем, хватит уже об исламе викингов. Не к ночи он будет помянут...

Завожу «Вольво» и выкатываюсь на улицу. Движение тут совсем не похоже на московское, оно размеренное и какое-то сонное, а многие, в том числе миллионеры, ездят на велосипедах, обычных или электрических. Просматриваю новости... Кажется, экономический кризис добрался до Китая, очередное заявление по Украине, бессмысленное переливание из пустого в порожнее, как и все предыдущие. Стокгольм светит огнями витрин, по улице идут люди – никто и не подозревает, что в эту минуту, например, не так уж и далеко отсюда кого-то разрывает снарядом «Града». Кого-то, кто просто пошел за водой.

Украинцы все-таки добились своего. У меня было немало друзей-украинцев, и в спорах они любили использовать аргумент: зато у нас войны нет, как у вас в Чечне. Что ж, вот она у вас и есть, украинцы. И не мы в этом виноваты. А вы.

Набираю номер. Машина старая, в новых мобильный телефон встроен в коммуникационную систему машины, а тут просто «хэндс-фри».

– Привет.

– Привет.

Это Абаль.

– Скоро освободишься?

– Еще час.

– Тогда я столик резервирую.

– Давай. А где?

– Найди. Ты же журналист.

Еще одна примета Западной Европы – тут редко готовят дома, ужинают обычно в общественных местах, поэтому полно кафе и ресторанов. Наверное, я все же никогда к этому не привыкну...

Абаль появилась, как и обещала, через час, я уже забронировал столик в рыбном ресторане недалеко от порта. У нее машина намного дороже моей – новейший «Volvo XC90», только недавно обновилась модель, и новая замахивается едва ли не на «Рендж Ровер». Это я ей купил. Зачем? Ну, у меня были деньги, и немалые, почему бы не порадовать девушку? Тем более что я живу в ее квартире, это называется «брак с совместным проживанием»⁵, и за жилье не плачу ни кроны. А оно здесь дорогое...

– Привет...

– Привет.

– Заказал?

– Нет еще...

Абаль вообще-то мусульманка. Она дочь мигранта, шведка во втором поколении. Ислам не препятствует ей сожительствовать с женщинами и с мужчинами-христианами и российскими агентами. Какой-то странный ислам, но мне он нравится.

– Хочу медвежатину...

Ну, раз дама хочет...

⁴ Это не выдумка. Есть даже Коран, написанный скандинавскими рунами.

⁵ Трудно поверить, но в Европе есть семьи с раздельным проживанием, где муж и жена ходят друг к другу в гости.

Из ресторана мы плавно перемещаемся в квартиру Абаль... Ну и мою тоже, наверное. Как и все европейки, Абаль подходит к жизни очень рационально – работа, увлечения, секс. А вот что касается меня, то у меня все желание пропало. Вот пока ехали из ресторана, как раз оно и пропало...

И потому я переместился на кухню (ее площадь, чтобы вы понимали, тридцать два квадрата) пить кофе. И смотреть в наливающееся ночной чернотой окно.

Кофе тут хороший. Марки «Паулиг».

Когда я заканчивал с варкой кофе, вошла Абаль. Ничуть не стесняясь своего неглиже, налила себе кофе и уселась напротив меня.

– Что-то не так?

– Все нормально.

– Я понимаю, что я...

– Дело не в тебе.

– А в чем?

В чем...

– Понимаешь... все пустое.

– Отношения?

– Нет. Моя жизнь. Каждый день с девяти до четырех я просто просиживаю штаны. Понимаешь?

– Понимаю...

Я глотнул кофе... обжегся... зараза.

– Тебе нужна работа?

– Ну, она сейчас многим нужна, – попытался отшутиться.

– Работа есть.

– То есть?

– Работа. На правительство.

– Абаль. Ты одна из немногих, кто знает о том, кто я. Какое правительство?

– Наше, шведское. Видишь ли, есть один проект. Ты, думаю, можешь быть полезен. Ты ведь знаешь русский?

– Да.

– А украинский?

Я улыбнулся.

– Пойму. Он не сильно отличается.

– Я... я не знала, как тебе сказать... я уезжаю...

– ...

– Но, думаю, ты можешь тоже поехать.

– Не понял.

– Ты что-нибудь слышал о международных полицейских силах?

– Если честно, ничего.

Абаль уселась напротив меня.

– Этот проект впервые был применен в бывшей Югославии. Иногда, когда страна разрушена войной, ей нужна помощь в виде восстановления законности, но если страна и ее общество расколоты, то полицейских, которые могли бы беспристрастно защищать закон и стоять над распрями, не найти. Можно понять – ведь любому полицейскому тоже приходится жить в обществе, в своей общине. Тогда придумали форму помощи в виде полной или частичной замены местных полицейских...

– Постой-ка. Ты говоришь о Югославии. И мне это не нравится.

– Дослушай. В бывшей Югославии эта модель, когда вместо или вместе с военными в регион входят и полицейские, и, пока военные обеспечивают безопасность, полицейские обес-

печивают правопорядок, так вот, эта модель сработала. Сейчас есть подобный проект в рамках международных инициатив Евросоюза. Только на сей раз все немного проще – мы должны навести порядок в стране до того, как там началась полномасштабная война.

– Украина, – догадался я.

– Именно. Это самая коррумпированная страна на Европейском континенте. Уровень коррупции там намного превышает пятьдесят процентов, то есть вероятность столкнуться с нечестным человеком намного выше, чем с честным. Наши и украинские исследования показали, что украинской полиции доверяет менее пяти процентов населения. При таком уровне доверия работать нельзя. Мы не можем ни выделять деньги Украине, ни оказывать другое содействие, пока они не разберутся с этим, а они не могут разобраться, и время уходит. Поэтому в ЕС было принято решение направить в Украину группы полицейских из стран ЕС с двойной миссией. Обучение местных полицейских и непосредственно полицейская работа. В Украине создается своя патрульная полиция, но если их будут учить те самые, полностью потерявшие доверие полицейские, то ничего не изменится...

Украина...

Кровавая рана на теле Европы. Кровавые раны в душах людей, которые действительно считали их братьями...

Знаете, что больше всего потрясло меня? Один ролик по событиям в Одессе 2 мая. Прямо перед самым пожаром в Доме профсоюзов. Брали интервью у какого-то пацана – на вид не бандит, не правосек, обычный пацан. И он сказал, что не надо к нам лезть на Украину, а если вы пришли и устраиваете тут митинги, то придется все здесь сжечь.

После чего он ринулся из поля зрения камеры к Дому профсоюзов.

Жечь.

Я не идеалист, нельзя сказать, что я идеалист. Каждый народ должен защищать свою страну, ее территориальную целостность и неприкосновенность, как может и как умеет. Дело в другом. В том, как обыденно этот пацан – не бандит, не отморозок, обычный пацан, – как обыденно он сказал, что надо сжечь людей. И сжег. Его никто не учил жечь людей. Он даже вряд ли считал себя жестоким человеком до этого дня. Но он сжег. Несколько десятков человек. Заживо. А на следующий день десятки, если не сотни тысяч блогеров хихикали, глумились, поздравляли друг друга с массовым убийством. И это было едва ли не страшнее того, что произошло в Одессе. И за год ничего не изменилось. Того, кто убил журналиста Бузину, вынесли из следственного изолятора на руках и качали. Реакция на Одессу не была случайной. Она была ожидаемой.

За двадцать три года до этого Украина на референдуме высказалась за свою независимость. И тогда многое зависело даже не от Горбачева – господи, что вообще зависело от этого человека, – а от русского народа. От Советской армии и ее офицеров. Зависело – бросить на Киев войска или отпустить с миром. Ведь могла в той же Москве прийти к власти хунта, и кровавая хунта.

Но нет. Отпустили. Сказали – идите с Богом. И даже не потребовали назад Крым, хотя Крым всегда по праву принадлежал России. И не потребовали отдать русскоязычные области. Решили расходиться «как есть». Не бороться за единую страну.

*Но двадцать три года спустя это все равно привело к войне между двумя народами. Русским и украинским. Потому что в обеих странах сменилось поколение. В одной стране вот такие вот очкарики решили, что ради сохранения Одессы украинским городом можно сжечь несколько десятков человек. В другой стране новое поколение уже не помнило то, как деды вместе брали Берлин. Ему было плевать и на это, и на триста лет совместного существования в единой стране. Зато они хорошо слышали доносящееся из Киева «москалей на ножи». И в отличие от отцов и от дедов, чувствовавших необходимость **уживаться**, они не намерены были терпеть...*

Вопрос – кто и когда был прав? Кто и в чем оказался прав? Мы, советские люди, которые не стали спасать свою страну ценой сожженных заживо людей и разбомбленных городов, отказавшиеся от решения болезненных, но назревших вопросов и в конечном итоге все равно получившие войну и вражду, но уже в следующем поколении? Или вот эти вот украинские льщари, ради спасения страны жгущие и убивающие, но при этом загнавшие страну в кровавый тупик и заложившие традиции ненависти и вражды на многие поколения вперед. Ведь неужели кто-то думает, что если даже удастся раздавить Донбасс военной силой, то после этого наступит прощение и мир? Понятное дело, что никто никого не простит в любом случае, и при первой же возможности вражда вспыхнет вновь. Армяне и азербайджанцы ненавидят друг друга вот уже четверть века, и четверть века на линии противостояния в Карабахе льется кровь и гибнут люди. И нет ни малейшей гарантии того, что этот конфликт в будущем снова не обернется полномасштабной войной двух стран на уничтожение. Точно так же ненавидят друг друга некогда жители одной страны – индусы и пакистанцы. Видимо, точно так же и мы, русские и украинцы, обречены ненавидеть.

Мы обречены на ненависть. Она – не наше достоинство. Наше наказание. Наш грех. Наш стыд...

– Ты кое в чем ошибаешься.

– ...

– В Украине будет не проще, чем в Косове и бывшей Югославии. Там все будет намного сложнее...

Спустя несколько месяцев
Польша, Люблин
Международный центр полицейской и
антитеррористической подготовки ЕС
Полигон для отработки уличных боев
8 июля 2016 года

– Внимание всем! Внимание на меня!

Полицейского инструктора, который отвечает за нашу «подготовку» и ведет брифинг, зовут Артур Скачинский, он польский полицейский инспектор, бывший боец спецподразделения по борьбе с терроризмом. Он один из пяти бывших полицейских инспекторов, которые переведены на работу в центр и курируют украинские группы. Согласно протоколу, мы пройдем обучение вместе с нашими украинскими курсантами, курс обучения активным действиям очень короткий – всего месяц. После чего мы – уже отработанными и спаянными группами – выезжаем к месту службы и там приступаем к борьбе с преступностью. Наша задача как инспекторов международной миссии, нанятых в рамках программы помощи ЕС – Украина, – уже в процессе работы на месте передать знания украинским полицейским, большая часть которых не имеет вообще никакого опыта полицейской работы, и одновременно с этим контролировать их на предмет коррупции и всего прочего. Через год мы должны оставить на месте (конкретно в Одессе) уже готовые полицейские подразделения, способные минимально выполнять полицейские функции на европейском уровне. В дальнейшем, как только самая острая потребность в новой полиции будет снята, они будут ездить в Европу уже на продвинутые программы полицейской подготовки – по криминалистике, психологии и так далее. А возвращаясь, будут учить своих коллег, передавая полученный в Европе опыт. Таким образом, через три-четыре года Украина будет иметь в Одессе совершенно новую полицию из совершенно новых, не связанных с прогнившей и коррумпированной милицеей системой людей. Наша группа и четыре другие такие же – первые ласточки этой программы. Киев, Львов, Днепр-петровск, Мариуполь, Одесса. Почему-то нет Харькова. Первые пять городов, в которых будет внедряться программа.

Украинцев всего двадцать четыре человека, и нас, европейских полицейских, двенадцать. Двое из Великобритании, остальные из разных стран. Я иду как представитель Швеции, единственный. Как так получилось? А вот так и получилось. Абаль, которая прикрывает профессией журналиста работу в интересах СЕПО, шведской полиции безопасности, сделала на меня документы, что я шведский полицейский, специалист по борьбе с организованной преступностью (читай: русской мафией). Сделала на мою «настоящую» фамилию, здесь это никого не смущает. Да, русский, но прибалтийский русский, потом переехавший в Скандинавию, получивший гражданство. В этом нет ничего нового, в Германии вообще три миллиона иммигрантов русскоязычных проживают, а за счет ГДР количество тех, кто знает русский, приближается к 8–9 миллионам – то есть 10 % населения страны. Русскоязычным является и Манфред, полицейский из Берлина. Правда, он, ко всему прочему, открытый гей, так что отношения и со мной, и со всей группой у него, мягко говоря, натянутые. Толерантности нам не хватает, толерантности...

Лучшим моим другом из инструкторов можно считать Дидо. Он так-то Дидье, но говорят, чтобы его называли Дидо. Сын француженки и алжирского араба, сильно похож на наших кавказцев от этого. Сначала служил в CRS – Корпусе республиканской безопасности, это что-то

вроде спецназа внутренних войск. Затем из-за травмы, полученной, как он говорит, на тренировке, перешел в Центральный директорат внутренней безопасности МВД Франции, в группу, занимающуюся проблемами терроризма. В смысле не антитеррористический спецназ, а те, кто ведет криминальные расследования, связанные с терроризмом. Он разговаривает на русском – верней, это он думает, что разговаривает на русском, носит серьгу в ухе, запросто бьет в морду, если ему что-то не нравится, и лучше, чем я, обращается с «Глок-17». Еще мне кажется, что его имидж бунтаря и хулигана скрывает под собой его истинное лицо и у него, как и у меня, несколько иная миссия.

Что касается меня, то мне тут непросто. Проблема в том, что я – не полицейский, меня не учили на полицейского. Я – разведчик, а это несколько другое. Да, я проходил курсы частного детектива, в том числе и международные, чтобы соответствовать легенде, но это все равно не то. Например, у меня очень общие познания в криминалистике, и я засыплюсь, если вы будете задавать вопросы по шведскому уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. А это то, без чего моя легенда шведского полицейского сыплется, как карточный домик. А желающие задать вопросы есть. Вон, посматривает на меня Марко Гурвич. Если верить тому, что он рассказал о себе, он сын беженцев из Хорватии, работает в легендарном Скотленд-Ярде, точнее, в СО-14, спецподразделении по борьбе с организованной преступностью. Один из двух англичан в группе – только вот почему он с поляками общается на польском, если он хорват? Это самый неприятный тип здесь, лично для меня опасный.

Что касается украинцев, тех, кого поляки учат сейчас, а мы будем вынуждены учить потом, – беда с ними. Не знаешь, как к ним относиться. Я ведь не просто так попал в одесскую группу – я отдыхал в Одессе каждое лето, я вырос, можно сказать, в Одессе: в своем родном городе я девять месяцев в школу ходил, а три-то месяца – в Одессе. Я видел, как этот город искалечили и испохабили бандеровцы, неонацисты, футбольные хулиганы. 02.05.2014 я был там, в Одессе. И как я мог воспринимать этот город и майданутых после того, как заживо сожгли несколько десятков человек? Вот вы бы как воспринимали?

Во-во...

Так получилось, что мы уже разделились по экипажам – двое украинцев и европеец. После окончания полного курса двое украинцев сразу получают офицерские звания капитанов полиции. В моем экипаже двое. Борис Валеский – ветеран АТО, бывший десантник, двадцать семь лет. Я к нему присматриваюсь, но признаков посттравматического синдрома не заметно. Наоборот – какой-то он... излишне спокойный даже. Как удав. Вперед не лезет, очень любит водить машину – говорит, отец водителем был.

Зато второй с лихвой это компенсирует. Игорь с типично еврейской фамилией Этинзон, бывший доцент кафедры Одесского госуниверситета. Умный, вспыльчивый, в армию не ходил, никакого опыта полицейской работы нет, юридического образования тоже нет. Зачем пошел в полицию – понятия не имею. Похоже, что по квоте Майдана. Интересуется Европой, расспрашивал меня и других инструкторов о жизни в Европе, о полиции. Был сильно удивлен, когда я рассказал одну историю, как у нас полицейские всю ночь останавливали угнанный грузовик, на котором обдолбанная мусульманская молодежь что-то отмечала, и остановили только тогда, когда он тридцать машин разбил⁶. Похоже, в его понимании европейская полиция похожа на американскую, которая чуть что открывает огонь на поражение. Вообще, как я заметил, у многих мозги «Европой» очень сильно засраны...

Как к нам относятся поляки... Для начала скажу, что курс криминалистической подготовки мы проходили в ЦЕПОЛ, европейском полицейском колледже в Житно, близ Варшавы, и Дидо сказал, что ерунда все это, и половины не дали того, что нужно. А курс огневой подготовки проходим здесь, на тренировочной базе польского спецназа в Люблине.

⁶ Это было в действительности.

Так вот, про поляков. Мне плевать, как они относятся ко мне. Поляки, они и есть поляки, и ни один русский ничего хорошего от поляков ждать не будет. Мне интересно другое. Почему украинцы так относятся к полякам? Откуда эта любовь к тем, кто считает их «нашими неграми»?⁷ Ну, да. Я согласен, что поляки выдали немало карт поляка и учат украинцев в своих университетах⁸. Я согласен с тем, что польские элиты оба раза поддержали Майдан, достаточно демонстративно поддержали, несмотря на все то, что было между Польшей и Украиной. Но неужели непонятно, для чего это делает Польша? Неужели непонятно, что между Польшей и Украиной стоят ужасы Волынской резни, с одной стороны, и времена Богдана Хмельницкого – с другой, когда панство с чудовишной жестокостью подавляло украинские восстания. И почему, если польские действия, которые никак нельзя истолковать иначе, нежели установление контроля над Украиной сейчас или в будущем, воспринимаются благожелательно, а наши подобные действия, гораздо более скромные, – с ненавистью. Право же, начинаешь вспоминать тот известный анекдот. Чем отличаются грубые ухаживания от назойливого приставания? Исключительно субъективным восприятием, господа, исключительно субъективным восприятием...

В уши лезут слова тьютора (так здесь инструкторов зовут). Условия задачи – имитация досмотра и последующего нападения сообщников. Ничего необычного, в России мы и не такое отрабатывали. В Чечне захочешь жить – повертись...

Проблема в том, что стрелков всего двое, стандартный экипаж. В Чечне гораздо большим составом работали. Да и оружие демонстрировать там можно было без проблем, это не Европа.

Ладно, прорвемся.

– Брифинг закончен! – зычным голосом кричит Скачинский. – У вас десять минут для обсуждения, потом начинаем.

Все расходятся по группам.

– Все всё помнят?

Мои кивают.

– Все начеку. Игорь – давишь огнем. Борис – работаешь от машины.

– Зробымо.

Мой «тактический ход» заключается в том, что Борис – ветеран АТО, он отлично знает автоматическое оружие и умеет с ним работать. Потому Игорь сбивает нападение огнем, Борис – добегают до машины и хватают «калашников». Не знаю, будут ли у нас «калашниковы» на Украине – но тут именно они, по два на машину. Дело в том, что это место используется для подготовки частных военных подрядчиков и другого оружия тут нет.

– Не суетиться, не дергаться. Помнить, что на вас бронежилеты, по условиям – попадание не считается. Борис, с автоматом разберешься?

– Обижаете.

Мы делаем «круг» – встаем друг напротив друга, одновременно поднимаем руки и касаемся кулаками.

– Ну, все. Понеслась.

– Слава Украине, – добавляет сакраментальное Борис.

– Героям слава.

⁷ Дипломатический скандал по этому поводу был в реальности.

⁸ Карта поляка выдается тем, у кого родители были поляками, или один родитель, или есть какие-то заслуги перед Польшей. Позволяет учиться на бюджете в польских университетах, ездить на поездах, обслуживаться в больницах – короче, это почти паспорт, только избирать и быть избранным нельзя. Карту поляка уже получило огромное количество молодежи и в Украине, и в Беларуси. Самое удивительное, что никто не поднимает по этому поводу шум, хотя принятие карты поляка – это почти что присяга на верность Польше, государству, которое достаточно поиздевалось и над украинцами, и над белорусами.

Инструкторы наблюдают упражнение со смотровой площадки через бинокли и смотровые трубы. Я смотрю невооруженным глазом, так поле зрения шире. Вижу белую машину, вижу, как к ней подъезжает полицейская. Останавливается. Борис остается у машины, Игорь идет проверять документы. Вижу, как появляется черная машина...

Есть! Нападение и отражение занимают всего несколько секунд. Вот черная машина внезапно ускоряется, вот в окне появляется ствол. Вот Игорь отрабатывает на скорость – за несколько секунд он должен опустошить магазин «Глока». Вот Борис успевает выхватить автомат и опустошает магазин. Секунданты останавливают время.

Напряженно ждем.

– Семь и одна. Ноль штрафных.

Это – уровень. Почти инструкторский. Инструкторы поздравляют, показывают большой палец.

– Чечня, да?

Гурвич криво усмехается. Думаю, он понял, кто я, а я понял, кто он. Коллеги, блин.

– Нет, Россия. Дикий восток...

Это конец. В смысле конец нашего курса подготовки.

У пацанов сегодня звездный день. Свидетельства об окончании курсов они получают из рук самого (!!!) посла США в Варшаве. У нас это называется «пацан к успеху шел»... Нет, я не иронизирую, противно просто. Почему-то украинцы, так болезненно относящиеся к любому проявлению господства со стороны России, с радостью готовы встать на колени перед посланником США или ЕС. Колени – это не в буквальном смысле, конечно. Но иногда и в буквальном – как послу украинские казаки саблю на коленях преподносили.

После чего посол США толкнул речугу про демократию, отдельные фрагменты которой я, с вашего позволения, и процитирую...

Господа, пользуясь возможностью выступить перед вами, я хочу поговорить с вами о демократии. Я собираюсь дать определение того, что является демократией, а что нет, остановиться на некоторых фундаментальных демократических институтах, опровергнуть некоторые ложные высказывания о демократии, предложить идею о том, что демократию нельзя навязать, но что она способствует стабильности, перечислить несколько шагов для построения демократии здесь и, наконец, рассказать, почему я оптимистично настроен относительно будущего демократии в Украине.

...

Нам необходимо дать определение демократии. Но вначале позвольте мне сказать, что не является демократией.

Демократия не является абсолютной свободой для личности, ибо тогда это анархия.

Демократия не является правом нескольких олигархов воровать у государства, демократией не является также и то, когда налоговая полиция вымогает деньги с вашего банковского счета или бизнеса, ибо это является коррумпированной и преступной тиранией.

Демократией не является применение «административных мер», в том числе ненужных инспекций и судебных проволочек для контроля за независимыми средствами массовой информации, политическими партиями и частными организациями.

Демократия не может допускать, чтобы должностные лица требовали взятки, так как это подрывает уважение, с которым люди должны относиться к своему правительству.

А теперь позвольте мне попытаться объяснить, что является демократией. Это система управления, которая требует ответственности и компромисса. Народ должен быть ответственным перед государством, а избранные должностные лица должны нести ответственность перед народом. Это постоянный диалог между государством и гражданами, приносящий в конечном счете наибольшее благо наибольшему числу людей. Но эти поло-

жизненные результаты достигаются путем компромиссов, а компромиссы никогда и не все время удовлетворяют всех людей.

Демократия – это очень тонкое равновесие, гарантирующее права и справедливость каждому отдельному гражданину: от самого богатого бизнесмена и самого могущественного чиновника до самого простого труженика и крестьянина. Все – и богатые, и бедные – имеют одинаковые права.

Демократия означает прежде всего верховенство закона, который в равной степени, честно и беспристрастно применяется к каждому отдельному гражданину. Она предусматривает равное правосудие для всех.

На свете не существует волшебной пилюли, которая моментально сотворила бы демократию. Для развития демократии требуется время, так как гарантирующие демократию институты должны прочно создаваться законом, и им нужно время для созревания.

Некоторые фундаментальные институты демократии.

Одним из основополагающих демократических институтов являются честные, свободные и прозрачные выборы, то есть такие, когда сами люди могут решать, кто будет их представлять. Для этого требуется независимая избирательная комиссия, не подвластная никому политическому контролю или политическому давлению, для того чтобы народ поверил и доверял результатам выборов.

Другим демократическим институтом являются независимые средства массовой информации, которые честно и ответственно информируют и просвещают граждан относительно разных вопросов и лиц, с тем чтобы граждане могли принимать умные и информированные решения о том, кто будет честно представлять их в правительстве.

Еще одним демократическим институтом является независимая судебная система, беспристрастно применяющая справедливые и честные законы ко всем гражданам. Если суды и судьи подвергаются политическому давлению или могут подкупаться богатыми, тогда демократия в опасности.

...

Существует несколько ложных высказываний по поводу демократии, которые обычно звучат со стороны тех, кто хочет отложить ее или даже воспрепятствовать ей, или от тех, кто не совсем хорошо ее понимает.

Иногда можно услышать, что «народ еще не готов к демократии». Я отвергаю такое мнение как якобы отеческую заботу автократов, не желающих делиться реальной властью, а значит, богатством и ответственностью со своим народом, тех, кто боится голоса своего народа.

...

Иной раз можно услышать, особенно от эмигрировавших оппозиционных политиков и журналистов, что Соединенные Штаты не «навязывают» демократию в Центральной Азии, потому что предпочитают помогать существующим правительствам за то, чтобы получить доступ к энергоресурсам или доступ к военным объектам. Я уважительно отношусь к этим людям, но твердо отвергаю их заявления.

Реальности дипломатии требуют, чтобы Соединенные Штаты работали с существующими правительствами повсюду в мире. Вы часто видите и слышите в средствах массовой информации, как на встречах с должностными лицами той или иной страны американские должностные лица улыбаются и пожимают им руки. И там, где преобладают контролируемые государством средства массовой информации, подаваемая ими информация предполагает поддержку существующих государственных структур.

То, чего вы не видите и не слышите, – это интенсивные личные беседы за закрытыми дверями после ухода журналистов, когда мы предельно откровенны с руководителями в вопро-

сах необходимости создания демократической практики во благо их граждан и национальных интересов их собственной страны.

Мы даем рекомендации, но не диктуем. Я по собственному опыту могу откровенно сказать вам, что диктат не действует. Демократию никогда нельзя навязать.

Демократия только тогда пускает корни и начинает расти, когда сами люди берут на себя ответственность и говорят: «Это то, чего мы хотим. Это то, что нам требуется. И, чтобы этого достичь, мы будем работать вместе и в мире с нашими справедливо и честно избранными лидерами».

Иногда лидеры не слушают свой народ. Авторитаризм порождает нестабильность; он ее не предотвращает. Недавняя «вторая революция роз» в Грузии произошла именно потому, что правительство отказалось слушать свой народ. Сейчас у Грузии появилась намного лучшая возможность долгосрочной стабильности, чем прежде.

...

В заключение хочу сказать, что я оптимистично настроен в отношении демократии в Украине. Почему? Во-первых, потому что правительство избрало демократический путь. Хотя не все политические партии зарегистрированы и разрешены, существует многопартийная система. Также очень важно, что мирное соглашение, положившее конец войне в Украине, продемонстрировало конкретную решимость поделить власть, готовность к компромиссу и мирным способам политической конкуренции.

Далее, меня воодушевляет тот факт, что правительство привержено демократической практике децентрализации, то есть сокращения контроля центрального правительства над местными делами. Повсюду в Украине высокообразованные граждане, которых глубоко трогает и заботит судьба народа и страны, работают вместе как в общественном, так и частном секторах, образуя комитеты, объединения и кооперативы по многим, самым разным вопросам, влияющим на их повседневную жизнь. За последние несколько лет количество неправительственных организаций возросло во сто крат, и это свидетельство того, что граждане Украины стремятся брать на себя ответственность. Гражданское участие в управлении является фундаментальным строительным материалом демократии. Гражданское участие способствует беспристрастности и справедливости, существенным для демократии...

От этой речи мне было тошно. Тошно от того, что в слова о демократии, децентрализации, выборах никак не помещаются дети, которых убили на Донбассе. Нет там им места.

Почему тогда я здесь? Нет, у меня не раздвоение сознания. Я не виню этих пацанов, которые всего-то хотят защищать закон в своей стране, что-то сделать с коррупцией. Но вот посла США я виню, он один из тех, кто виновен. Один из тех, кто делает ложь правдой.

Когда я показал нескольким людям в Швеции материалы с хэштегом «savedonbasspeople» – они начали собирать вещи и деньги и отправлять помощь на Донбасс. Это простые шведы, простые люди Запада, которые не в ответе за то, что творит их власть. Но вот посол США не перестанет врать, даже если труп ребенка из Донбасса положить ему под дверь. И я очень надеюсь дожить до того момента, когда рухнет подкопанное со всех сторон гигантское здание из лжи – и каждый получит свое.

В конце концов, я и сам под него копаю...

Ани дэшч, ани сьнег, ани квят, ани джень,
Незнана даль, не слодких фаль,
заклента пшыстань дае знать,
Забракне те, затенскне джись,
так пусто юж бывало пшез тысёнц миль.

Сто лят нех жые, жые нам, милосьть жые в нас,
Бо она кажэ вращать раз по раз,
Як слоньцэ вёсна як, птаки до свых гнязд,
Вращать раз по раз⁹.

Последний день в Польше – инструкторы устроили для нас вечеринку. С польской водкой – кстати, по качеству она намного хуже русской, – с польскими и украинскими песнями. Мы сидели за столом, пили и пели «сто лят», польскую застольную песню. Как вдруг:

– Курва мац!¹⁰

Застолье, до этого мирное, вскипело моментальной дракой.

– Держи их!

Борис и Скачинский. Черт. Мне этот поляк с самого начала не понравился – прилизанный какой-то.

Украинцы держали Бориса. Я, как куратор, кивнул Скачинскому – мол, отойдем. Мы вышли на улицу... Портовый город жил своей жизнью – туристы, корабли, порт.

– Жалобу подавать будешь? – в упор спросил я Скачинского.

Тот остро глянул на меня:

– А что, интересуется?

– Интересует. Ты зачем его быдлом назвал? Я слышал.

Поляк глянул на меня уже с откровенной злобой:

– Русский... Тебе пошто за бандеровцев вступать? Они твоих резали так же, как и нас.

Я улыбнулся:

– Между нами, Артур. Надо уметь прощать. Вы этого не умеете. Потому мы – это мы, вы – это вы.

Я развернулся и пошел обратно в заведение. За спиной раздалось злобное «пся крев!», но я даже не обернулся.

Да пошли вы! Псякревичи долбанные.

– За что ты его?

Мы уже были в гостинице, в холле. Остальные ушли собирать вещи.

– За дело.

– За дело? У полицейского дело подшито в папке, а никаких других дел нет. Понял?

– Так, – невесело сказал Борис. – Я его спросил, как мы отработали сегодня. Он сказал – так, как мы, вы никогда не сможете.

– И всего-то?

– Они нас двести лет за людей не считали. И сейчас не считают.

Я прищурился:

– Ты откуда такой взялся, в Одессе? Говор, как у львовянина.

– Я и есть львовянин, – сказал Борис, – с семьей переехали, когда мне тринадцать было.

Так и остались. Я теперь и одессит, и львовянин разом...

Весело.

– Руки при себе держи. Теперь ты полиция.

Борис невесело усмехнулся:

– Да я понимаю. Хоть напоследок душу отвести...

⁹ Польская песня, 100 лет исполняется на всех застольях.

¹⁰ Польское ругательство.

Перед смертью не надышишься. И еще говорят, что русские и украинцы разные народы. Один, один народ. Себе на беду...

Информация к размышлению.

Документ подлинный

Посол США в Украине Джеффри Пайетт объявил Одессу американской лабораторией под руководством Михаила Саакашвили, передает пресс-служба посольства.

Пайетт заявил, что США будут поддерживать действия губернатора Одесской области Михаила Саакашвили и члена его команды, замглавы МВД Эки Згуладзе.

«Я буду находиться в Одессе с моей командой по борьбе с коррупцией; мы будем изучать некоторые из инициатив, которые мы, то есть Госдепартамент, будем готовы поддержать. Мы будем продолжать то, что вы с Экой Згуладзе сделали здесь – с Министерством внутренних дел и патрульной полицией, и делать больше, используя Одессу как «лабораторию» для американской поддержки коренных антикоррупционных реформ», – заявил Пайетт, обращаясь к Саакашвили.

<http://www.e-news.su>

Одесса 11 июля 2016 года

*Этот город – самый лучший город на Земле,
Он как будто нарисован мелом на стене,
Нарисованы бульвары, реки и мосты,
Разноцветные веснушки, белые банты.*

*Этот город, просыпаясь, смотрит в облака,
Где-то там совсем недавно пряталась луна,
А теперь взрывают птицы крыльями восход,
И куда-то уплывает белый пароход,*

*Этот город, не похожий ни на что вокруг,
Улыбается прохожий ни за пять минут,
Помогает человеку верить в чудеса,
Распускаются фонтаны прямо в небеса.*

*Я не знаю, где еще на этом свете
есть такая же весна,
Я, пожалуй, отпишу попутный ветер
и останусь навсегда.*

«Браво» «Этот город»

Знаете, больше всего я боялся ступить на землю Одессы, потому что не знал, что почувствую. Что я почувствую в городе, который мне столь же дорог, как и тот, в котором я родился. Что я почувствую в городе, ставшем городом чужой и враждебной мне страны, где кричат: «Слава нации!» – и добавляют: «Мало мы вас сожгли...» Как я буду жить не в городе Привоза и Ланжерона, а в городе Куликова поля и Дома профсоюзов. И как я буду жить, зная, что вторую Куликовскую битву мы проиграли. Нас просто окружили и пожгли. Пожгли женщин, пожгли стариков. А потом радостно улюлюкали и кричали: «Мало, давай еще!»

Всей страной улюлюкали.

Мой лучший друг в детстве был украинцем. До пятнадцати лет я даже не знал, что он украинец. Не знаю, где он теперь.

Но все было как-то... обычно, что ли. Мы летели через Киев, самолет в Одессу шел старый, «Аэробус 320», в полете нас покормили китайской лапшичкой за несмешные деньги. И когда я сошел на землю Одессы в аэропорту, то вдруг понял, что ничего не чувствую. Ни-че-го.

Много воды утекло. Я был в Швеции, я был в Сирии, я был в Албании. Я видел очень скверные вещи. Но я никак не думал, что настолько огрубел душой.

Это сильно подпортило мне настроение...

Чтобы вы понимали, что происходит в Одессе. Ситуация в Одессе отличается от ситуации в остальной Украине тем, что здесь фактически введено внешнее управление, но с известными исключениями и издержками. К 2015-му стало окончательно понятно, что революция слита, а старые коррумпированные элиты удержались у власти и не имеют никакой иной цели, кроме разграбления страны. Раньше на это не обращали внимания – живет как-то Украина и живет, – но теперь Украина оказалась в центре геополитического прицела. Причем не двух игроков,

а как минимум трех – США, России и ЕС. Интересы США и ЕС в Украине расходились по определению – хотя бы потому, что с США Украина не граничит, а с ЕС – граничит. И еще два-три миллиона беженцев ему совершенно ни к чему. Это если не считать отдельной позиции по Украине Великобритании и Польши – первая почти не боялась беженцев и иных проблем, связанных с дезинтеграцией Украины, до них и радиация бы не дошла, если бы в Украине, к примеру, приключился Чернобыль-2. А вторая... Польша вела рискованную и откровенно наглую политику, потому что в отличие от большинства ЕС реально хотела изменений. То есть если ЕС держал оборонительную, консервативную позицию, то Польша – активную и наступательную. Те, кто хочет все изменить, – вынужденно подставляются. Что хотела изменить Польша? Да то же, что и сто, и двести лет назад – Польшу от моря до моря она хотела. Сто-миллионную польскую империю. И за Польшей, как обычно, стояла Великобритания. Потому что британцы давно мечтали и мечтают создать в Центральной Европе агрессивную антирусскую страну, которая будет не просто назойливой шавкой, как те же прибалты, и не просто бояться и ненавидеть, как сегодняшняя Польша, а сможет представлять для России реальную, серьезную опасность. На Украине были атомные электростанции, вполне пригодные для наработки плутония, два института по атомной проблематике в Киеве и Харькове и производство ракет всех типов и классов – в Днепропетровске. Если Польше удастся реализовать свой проект «Речь Посполитая», то включение данного государства в клуб ядерных держав станет только вопросом времени. Речь Посполитая – это такой мега-Израиль как противовес и постоянный раздражитель для всего арабского мира. Только в нем будет не шесть миллионов человек жить, а сто. Последствия – считайте сами.

У США проект несколько другой, причем в отличие от Великобритании создавать Речь Посполитую они особо не хотят. Их устраивает Польша такая, какая она есть – достаточно сильная, чтобы быть восточноевропейским противовесом Германии, но недостаточно сильная для того, чтобы выйти из-под американского контроля. Сорокамиллионная Польша – это одно, а стомиллионная – это совсем другое, политика США вообще не предусматривает создания где бы то ни было новых стомиллионных государств. В связи с чем очень интересно наблюдать за тем, как делятся сферы влияния. Киев, Львов и Днепропетровск – это вотчина Великобритании и Польши. А вот Мариуполь, Одесса и, похоже, Харьков – это США и ЕС. И совсем не просто так в Одессе появилось почти что параллельное правительство Мишико Сакарелидзе, которому центральная власть в Киеве особо не спешит оказывать поддержку, ни информационную, ни какую-либо еще. И даже обеспечила его оппозицией в виде мэра Одессы с «региональным», или, как тут говорят, «рыгоанальным» прошлым.

Сакарелидзе, в свою очередь, не стесняется критиковать центральную власть и замыкает на себя все доходы. Которые в контрабандной и портовой Одессине очень даже велики, тем более что в Одессе есть ценнейший земельный ресурс – участки на берегу моря под застройку, и есть торговля с целым непризнанным государством – Приднестровьем. Если отделить от Украины Одесскую область, то через три-четыре десятка лет она может стать маленьким Сингапуром, как раз за счет обслуживания Приднестровья, России и украинской контрабанды. Вопрос только – что будет с нами, посланцами Евросоюза, здесь, если конечная цель – именно такова. То, что полиция, Европолиция, здесь не просто правоохранительный орган, а элемент политической игры – говорит то, кто и как нас готовил. Европейская полицейская академия, ЦЕПОЛ, АТЛАС¹¹ – это все очень интересные структуры. Поинтересуйтесь на досуге. И на

¹¹ Европейская полицейская организация (Европол) – создана для подготовки и переподготовки полицейских ЕС. Рабочий язык – не английский, а немецкий, базовое учебное заведение – Международный центр специальной полицейской подготовки в Варшаве (1997 год). Зонтичная организация для ряда других, таких как Среднеевропейская полицейская академия, Северобалтийская полицейская академия и т. д. В противовес этому США создали Международную академию правоохранительных органов в Будапеште под эгидой ФБР. Я уже упоминал в своих книгах, что вербовка иностранных полицейских через их подготовку крайне эффективна, так как позволяет потом в рамках «международного обмена» получать истинную инфор-

фоне европеизированной полиции подготовку новых кадров в области безопасности взяла на себя кто? Правильно, Великобритания. А значит – и Польша.

А вообще, если посмотреть на ситуацию в общем, то сегодняшнее положение дел на Украине отнюдь не удивительно. Мода лечить рак аспиринотерапией появилась в девяностых, когда были демонтированы все структуры, позволяющие осуществлять внешнее управление проблемными странами, и появилось учение о неприкосновенности границ где бы то ни было. Хотя сейчас, по итогам двадцати пяти лет независимости, понятно, что спасти Украину может только полный или частичный отказ от суверенитета. И, безусловно, отказ от демократии. История экономического чуда Германии и Японии начиналась с того, что их оккупировали. И основы того, что потом назовут германским и японским экономическим чудом, были заложены именно оккупантами. Просто в одном случае американская деловая культура наложилась на немецкий инженерный гений, в другом – на японскую организованность и трудолюбие. Южная Корея тоже была сначала под протекторатом ООН, потом три десятка лет в состоянии диктатуры. Сингапур, когда начиналась история его роста, был диктатурой. Гонконг – это уже британское творение, земля, арендованная у Китая на 99 лет. Практически все истории экономического успеха двадцатого века – это истории диктатуры, кроме, может быть, США. Но США – история отдельная. Мало кто сумел за век победить в двух мировых войнах: пока в Европе убивали, за океаном деньги делали.

А тут, в Украине, что-то талдычат о демократии... децентрализации. Да к черту демократию! А децентрализация – это когда одним хочется конституции, другим севрюжинки с хреном. Нигде и никогда экономический успех не начинался с децентрализации.

Впрочем, я и так вам уже лишнего наговорил. В представительстве ЕС я давал подписку, вместе с остальными, никак не вмешиваться в политические дела принимающего государства и не давать никаких комментариев по состоянию дел здесь, будь то журналистам или в социальных сетях. Штрафы за нарушение такие, что мама не горюй. В Европе со штрафами не шутят...

Поселили нас в гостинице «Одесса» – той самой, девятнадцатизатальной, в районе Морского порта, свечке такой – одном из символов Одессы. Сейчас эта гостиница вся полностью передана иностранцам, установлен особый пропускной режим – организовали что-то вроде Зеленой зоны в Багдаде. Конечно, без фанатизма, но тем не менее. Защищает нас, кстати, «Глобал Протекшн Групп», владелец Европейской академии безопасности с более чем двадцатью программами тренировок (с выдачей международно признанных сертификатов) и крупными тренировочными базами в Польше и... где еще? Ну, конечно, в Великобритании! Пирожок вам за сообразительность!

Заселившись и примерно устроив свои личные дела (на это ушло три часа – например, надо было отметить в координационном центре ЕС, занимавшемся учетом всех видов оказываемой помощи, и получить ай-ди), я отправился в МВД Украины по Одесской области. Точнее, в управление полиции теперь.

Последнее из теории – если еще год назад внедрялся проект только патрульной полиции, то есть тех, кто ездит по улицам, то теперь разворачивался пилотный проект подготовки полицейских детективов. Мы – именно детективы. Но при этом украинцы не успевали внести изменения в законодательство, и мы тут оказывались вроде как на птичьих правах.

Встретившись со своей группой, своим экипажем – как и в американской полиции, обязательно должен быть напарник, два человека и я, третий, инструктор, – мы отправились на брифинг, который проводил сам начальник криминальной полиции Одессы. Кстати, господин Сакарелидзе нас своим вниманием не почтил, что говорит о многом.

мацию о происходящем в стране и горы компромата. ЦЕПОЛ – европейский полицейский колледж в Варшаве. АТЛАС, или сеть АТЛАС, – ассоциация европейских полицейских сил специального назначения, предназначена для обмена информацией и «совместной борьбы с кризисами». США там нет.

Полковник говорил красиво, но ровно до того момента, когда я задал вопрос – господин полковник, расскажите нам о наших полномочиях по уголовно-процессуальному законодательству Украины. С этого момента вся «красивость» начала облезать, как плохо положенная на металл краска, да еще и после хорошего мороза...

Зато потом мы прошли во двор и получили транспорт. Машины были хорошие, купленные за европейские деньги. «Тойоты», но не «Приусы», а «Камри», причем необычные – старые модели, которые до сих пор выпускаются и продаются в странах Персидского залива, бронированные по четвертому классу, от пистолета. И каждому из нас полагался автомат. Как в Чикаго тридцатых годов...

– Короче, так...

Я осмотрел «своих», а также всех, кто пожелал присоединиться. Пожелали присоединиться человек десять, Игорь взял на себя роль неформального организатора нашей группы – по сути, группы смертников. Повторный брифинг я как человек, лучше всего понимающий происходящее, проводил вечером в гостинице.

...

– Объясняю, что на самом деле происходит. Первое. В Украине принят и так до сих пор и не отменен Уголовно-процессуальный кодекс 2012 года. Он представляет собой попытку ввести в старый советский УПК европейские нормы, направленные на защиту прав человека. В итоге – работать по нему без нарушений практически невозможно. Второе. Вторая редакция закона «О полиции», принятая под нас, противоречит Уголовно-процессуальному кодексу Украины и оставляет нас в подвешенном состоянии – по закону у нас есть права, а по УПК – нет. Закон и УПК между собой не согласованы вообще никак, и, по-моему, это не случайно. Любой адвокат возьмет это, поднимет шум о «неотримании прав громадянина» и будет прав. Кстати, предлагаю всем взять закон и УПК и сравнить – даже не предлагаю, а настаиваю, потому что нам с этим жить. Третье. Несмотря на то что создана полиция, милиция по факту не ликвидирована, это конкурирующая с нами структура. И сами понимаете, чтобы сохранить кресла под своими задницами – они будут готовы на что угодно, особенно в тесном симбиозе с местными уголовниками. И четвертое. Несмотря на декларируемую автономию следователя, из законодательства Украины так и не убрано понятие «процессуальный руководитель», у которого любой следок должен испрашивать разрешение на любую мелочь. Кроме того, все значимые следственные действия, в том числе и негласные, следователь вынужден согласовывать с процессуальным руководителем, а часть из них – еще и с судом. Процессуальный руководитель для следователя что милиции, что полиции – это прокурор. Местный прокурор. При том что прокуратуру не реформировали и даже толком не люстрировали – равно как и суд. Последствия таких согласований понимаете?

Пацаны подавленно молчали – я специально оттягивал этот разговор до самого последнего момента. Потом кто-то невеселым голосом спросил:

– А хорошие новости есть?

– Есть. Первая – у нас нет прав, но нет и обязанностей. Наши обязанности – под вопросом, как и права. Значит, в отличие от обычного следователя, которому Уголовно-процессуальный кодекс руки связывает, у нас руки свободны и пока даже чисты. Мы в отличие от следователя не должны тратить время на оформление бумажек, внесение данных в какие-то компьютерные программы, бегать по прокуратурам и судам. Зато у нас есть европейская подготовка, предоставленная Европой техника и европейское жалованье. Второе – я так полагаю, здесь все пришли, чтобы реально работать, так?

...

– Третье. При полностью разложившейся милиции и прокуратуре Одесской области преступный мир не мог не обнаглеть. Какой смысл им тщательно скрывать следы преступлений,

если следователя или прокурора можно просто купить? Или и покупать не надо – у него нет ни времени, ни возможностей делать свою работу. В такой ситуации даже небольшая группа людей, которые могут делать свою работу, хотя и делают, – может сделать очень многое. Но нас за это могут убить...

Пацаны молчали. Потом общее мнение озвучил Борис:

– Я для себя на Майдане все решил. Если мы ничего так и не изменим, зачем нам жить тут?

Пацаны промолчали. Они были готовы идти до конца. И я, никому больше не нужный российский разведчик, понял, что и я – тоже.

Информация к размышлению.

Документ подлинный

...

Система оказалась настолько спрессована и монолитна, что не допускает никаких сбоев в виде результативных расследований даже резонансных преступлений, которые невозможно было скрыть по причине смертей конкретных людей. Масштаб прикрития бизнеса на блокаде достиг не вмещающихся в голову нормального человека размеров. Хозяева просто открыли охоту на людей. Причем людей, вдруг почувствовавших себя хозяевами, оказалось на порядок больше, чем хозяев, пытающихся остаться людьми.

Потому очевиден еще один ключевой результат случившегося с нами в рамках этой истории. Здесь позволю себе привести незаметно прозвучавшую в медиа, не побоюсь этого слова, – цитату года от Романа Доника (волонтера, члена одной из сводных мобильных групп): «...Самая большая опасность в том, что коррупционная составляющая появляется там, где год назад ее не было. Участники этой коррупции новые. Те, кто вчера был обычным человеком. Работал или служил за зарплату. Да, возможно, подворовывал при случае или зарплату в конверте получал. Или утаивал. Или прибыль не показывал. Как все, в общем. Но сейчас они участники новых схем. Получают на руки деньги, которых никогда не видели. И, возможно, не увидят. Они становятся коррупционерами на войне. На линии размежевания. И когда после войны эта зараза расползется по всей Украине, то мы будем не просто иметь целые полчища потенциальных коррупционеров, которые будут искать способы обогащения. Мы будем иметь полчища неприкасаемых коррупционеров. Атошников и героев. Многих с наградами. Многих с ранениями».

«Мы потом все сами разруем», – говорите? Не факт.

Инна Ведерникова.

«Про хозяев и людей».

<http://gazeta.zn.ua>

Месяц спустя
Одесса, Балковская, 33
Суд Приморского района
Слушания по уголовному делу
14 августа 2016 года
Зрада, перемога и ганьба

– ...Таким образом, вы подтверждаете, что именно вы нашли у Попелюка при обыске в его квартире денежные средства в сумме...

Адвокат прервался, чтобы посмотреть на свои записи.

– ...четыреста тридцать шесть тысяч долларов США, купюрами по сто и по пятьдесят долларов, сто восемнадцать тысяч евро, купюрами по сто и по пятьсот евро, в банковской упаковке...

– Нет, не подтверждаю, – спокойно ответил я.

– Но вы присутствовали при обыске?

– Да, присутствовал.

– В каком качестве?

– В качестве присутствующего лица.

Адвокат сделал изумленное лицо:

– Простите, но лица с таким статусом нет в Уголовно-процессуальном кодексе Украины.

– Так я и не участвовал в производстве следственного действия, только присутствовал.

Все юридические пассы, которые производил адвокат, были мне хорошо знакомы. Равно как и мои ответы на них. Все изрядно поднадоело, но присутствие полицейских в качестве свидетелей на суде с того момента, как мы начали работать, стало почти обязательным, потому что наш неопределенный статус позволял устраивать в суде представления. Возможно, не действенные, но эффективные.

Это было одно из первых дел, которое мы размотали. Мы – одесская криминальная полиция. Речь шла о Яне Попелюке, начальнике ильичевской милиции, одновременно с этим – ветеране АТО, награжденном орденом Богдана Хмельницкого. Его поставили на ильичевскую милицию с целью разрубить коррупционный гордиев узел и инициировать процесс самоочищения милиции. Вместе с ним в милицию с помпой приняли еще несколько ветеранов АТО. К сожалению, Попелюк и его люди, столкнувшись с трудностями в борьбе с коррупцией, решили, что если ты не можешь остановить процесс, то должен его возглавить.

Статус ветеранов АТО давал ему и его людям негласную неприкосновенность, а зарвавшись, они совсем перестали обращать внимание на такие мелочи, как УК. Они были на виду с их беспределом, вот мы их и взяли. В какой-то мере дело было показательным – чтобы быстро показать результативность работы новой полиции и одновременно заявить от имени власти, что неприкосновенных нет и быть не может и статус героя АТО не освобождает от необходимости соблюдать закон.

Мы приехали в Ильичевск и взяли Попелюка и его побратимов. При обыске у Попелюка дома были обнаружены крупные суммы наличных, незаконно хранившееся оружие – у одного из его опричников (а их так называли в городе) был найден пулемет. Дело было возбуждено в Одессе по заявлению местного бизнесмена, поэтому мы привезли Попелюка и его подельников в Одессу и представили в суд с тем, чтобы тот определил меру пресечения.

Но местные свидомые тоже сработали быстро: кинули клич в социальных сетях, и теперь у суда быстро собиралась толпа. Спецназ КОРД выстраивался у ограждения, вообще хорошо, что суд советской постройки, хорошо защищенный и с оградой, а не в старом историческом здании. Но насколько спецназ, в котором немало ветеранов АТО, готов сдерживать своих побратимов, было непонятно. В любой момент в суд могли ворваться и не с голыми руками...

Революция форева...

– Объясните суду, в каком качестве вы присутствовали...

– Господин Мильштейн... – призвал к порядку судья.

Виктор Мильштейн – один из самых дорогих адвокатов Одессы. Неплохо для героя АТО... Быстро встроился в систему, очень быстро. И самое главное – никто из тех, кто сейчас бунит на улице, не станет задаваться вопросом: а откуда у героя АТО с орденом Богдана Хмельницкого деньги на адвоката? На дорогого адвоката, одного из самых дорогих в области. Потому что в свидомом мозгу такие мысли не помещаются. Там есть место только для трех стандартных ситуаций: «зрада», «перемога» и «ганьба». Все остальное – отменяется...

Ах да, еще «побратимы». В тотально коррумпированном, с разрушенным социумом обществе побратим, тот, кто с тобой рисковал жизнью в зоне АТО, – это святое. Наряду с членами семьи и односельчанами. Украинская нация – это нация односельчан, а теперь еще и однополчан...

– Поставлю вопрос иначе. У вас русская фамилия и шведский паспорт. Не объясните суду, как такое может быть?

– Объясню. Я переехал в Швецию и получил гражданство. Сейчас участвую в программе подготовки Одесской криминальной полиции в качестве консультанта от ЕС.

– Да?! А может быть, вы российский агент, внедренный в украинскую полицию с целью компрометировать героев АТО...

– Господин Мильштейн, довольно! – сказал судья.

– ...ветеранов АТО, проливавших кровь за Украину!

– Господин Мильштейн, – перекрикивая поднявшийся шум, сказал я, – а вы проливали кровь за Украину? Или сидели в прокуратуре и думали, как избежать люстрации?!

Мильштейн ответить не успел – в стекло с размаху, с глухим звуком ударился камень. Не разбил, там пластик, но неприятно...

Когда объявили перерыв, к зданию уже прибыли правозащитники. Видя, что КОРД может и не устоять, решили пойти на компромисс – 50 участников митинга и правозащитников обыскали, и, убедившись, что у них нет с собой ничего противозаконного, запустили в суд. Был объявлен перерыв – мы занимали самый вместительный зал суда, – но места не хватало и там...

– Этот Мильштейн... – Игорь стоял рядом со мной в коридоре, стуча кулаком по стене, чтобы успокоить нервы, – вы правильно сказали. Он еще с юрфака гнидой конченной был. Под люстрацию не попал, потому что в Морской партии был, не у рыгов¹². Потом сам ушел, по пидозре, чтобы дело не открывали. Теперь адвокатом працует. Защищает тех, кого и раньше защищал.

– Ну, адвокатом тоже кто-то должен быть, верно?

Зазвонил звонок. Судебное заседание возобновлялось.

Как этого и следовало ожидать, после избрания меры пресечения для задержанных в виде заключения под стражу прямо в суде началась драка.

¹² Украинская морская партия – местная, чисто одесская партия, возглавляемая лично ректором Одесской юридической академии. Рыги – сленговое название регионалов (рыгоаналов).

Началась она с коридора, потому что места не хватало, и правозащитники были в зале, а побратимы остались в коридоре. Как это обычно и бывает – кто в лес, кто по дрова, но все рвались в коридор, потому что выхода другого не было. Судья юркнул в свой кабинет и закрылся там на ключ. Когда я протолкался в коридор, то увидел прокурора в форме. С остервенелым лицом он замахивался на кого-то тяжелым портфелем. В выражении его лица не было ничего человеческого... Трудно было представить, что всего лишь десять минут назад этот человек говорил о вине другого человека...

Звякнуло, хрустнуло стекло, треснула дверь, вдруг кто-то громко закричал, перекрывая все остальные звуки:

– Слава Украине!

Дальше... Я навсегда это запомню: на секунду все замерли, будто в детской игре «Замри», потом нестройно, но громко ответили: «Героям слава!» – и тут же возобновили побоище. Кто-то с силой толкнул меня в спину, и я понял, что избежать участия в драке не удастся. Иначе меня тупо затопчут.

Героям слава...

Больно прилетело. Но ничего. Не в первый раз получаю по башке...

А правильно говорят, опасайся своих желаний, ведь они могут и сбыться.

Несколько месяцев назад я сидел в тихом и сонном Стокгольме, в городе, где за год происходит всего несколько убийств, ждал клиентов и в ожидании раскладывал «косынку» на компьютере. Рабочий день мой начинался в девять и заканчивался в четыре, после чего я ехал, встречался с Абаль, мы ехали куда-нибудь, потом возвращались домой и занимались сексом или просто ложились спать. В Швеции у меня были дом, машина, безопасность, медицинская страховка и отличные пейзажи за окном. Сейчас я встаю каждое утро в шесть утра, чтобы успеть сделать зарядку и позавтракать перед работой, потом еду на работу на полицейской машине, которая является целью для всей мафии города, по дороге, по которой перед нами прошла танковая колонна, наверное. Работаю я примерно до шести часов вечера только официально, пообедать удастся далеко не всегда. Работаю я по закону, который противоречит другим законам, и потому в любой момент могу быть выслан из страны, а то и обвинен в уголовном преступлении. Мой непосредственный начальник – в Швеции у меня начальника не было – бывший сотрудник СБУ Украины, родом из какого-то тернопольского села, его нам отрекомендовали как одного из лучших контрразведчиков Украины, но если этот лучший – то какие же тогда худшие, простите. За это время в меня один раз стреляли и еще один раз покушались на нас вместе, взорвав машину у входа. Работы у меня не просто много, а очень много, потому что последние пятнадцать лет милиция в Одессе не работала, а обслуживала клановые и политические интересы, и теперь вся несделанная работа – на нас. Ну, не вся, но большинство точно. И я не удивлюсь, если меня в конце концов убьют, как комиссара Каттани. Хотя я и пытаюсь работать, как евробюрократ, работа здесь требует именно комиссара Каттани¹³. Просто местная мафия привыкла к тому, что с ней вообще никто и никак не борется, – и любые реальные действия против нее воспринимает как личное оскорбление.

Но я сам всего этого хотел...

А возможности у одесской мафии велики. Одесса не просто порт, через который идет контрабанда по всей Украине и на южную Европу. И не просто наркохаб, оставшийся еще с советских времен. Одесса прямо завязана на внешнеэкономические связи целой республики – Приднестровской Молдавской. Приднестровье, или ПМР, – пусть и небольшая республика,

¹³ Комиссар Корrado Каттани – главный герой 1–4-го сезонов сериала «Спрут» про итальянскую мафию, мегапопулярного в последние годы существования СССР. Его показывали по центральному телевидению, и автор помнит, как пустели дворы, когда шел «Спрут». В 4-й серии Каттани погибает от пуль мафии. Каттани играл Микеле Плачидо, его популярность в СССР была так велика, что его пригласили на главную роль в советско-итальянском фильме «Афганский излом».

но это сложившееся государство, с армией, спецслужбами, правительством. А фактом не признания никем ее выталкивают в криминал. Не ошибусь, если скажу, что не менее трети всех дел и всех денег в Одессе связаны с ПМР. Давно сформировались взаимозависимости. И если, скажем, местные мафиози попросят в качестве одолжения прислать в Одессу приднестровский спецназ и разобраться с назойливыми полицейскими, то жить нам останется недолго. Потому что противостоять преступникам – это одно, а государству – это другое.

Ну и помимо Приднестровья тут всего хватает. Одесса – одна из ключевых точек по отправке в Турцию и на Ближний Восток украинских и молдавских проституток, возвращаются назад далеко не все. Основной порт по нелегальной отправке оружия Укрспецэкспортом и прочими структурами. Один из основных каналов по ввозу китайского шмурдяка – дешевого китайского трикотажа, продаваемого на вес. Один из основных каналов по ввозу нелегального спирта – он идет из Румынии, Хорватии, Бразилии, причем из последней целыми танкерами. Бразилия – крупнейший производитель спирта в мире. Одесса-мама – с давних времен один из основных центров криминальной активности досоветского, советского и постсоветского пространства, схожий с такими городами, как Марсель и Палермо. И мы пытаемся с этим что-то сделать. Мы – это двадцать пять украинцев и двенадцать полицейских-инструкторов из разных стран Европы. Филиал специальной полицейской миссии помощи Украине.

Я по-прежнему в Одессе.

Расклад полномочий на сегодняшний день такой – украинцы, не знаю, сами ли или под влиянием Совета Европы, приняли всеобъемлющий закон о децентрализации, немного упорядочивший и наш статус. Теперь милиция переходила в подчинение местным советам (городам), причем если денег не было, то ее можно было расформировать. Никто не запрещал. Полиция переподчинялась префекту, должность которого примерно соответствовала представителю президента в России. Префект назначался президентом по представлению премьер-министра, и в его прямое подчинение переходила полиция (и патрульная, и следствие) и прокуратура. СБУ – нет, оно подчинялось напрямую президенту.

Я небольшой знаток конституционного права, но, по-моему, система – попытка скопировать американскую с ее сильными штатами. Разница только в том, что в США штаты не ненавидят федеральную власть и не грызутся с ней по поводу полномочий¹⁴. И деньги есть. В Украине – денег нет.

Для нас плюсом было то, что у нас в системе появлялось лицо, причем высокопоставленное лицо, сила которого зависела от нашей силы. Как в средневековой Франции – есть король с его мушкетерами, а есть – гвардейцы кардинала. И хотя король с кардиналом могли встречаться и за чашечкой кофе обсуждать государственные дела – об отношениях гвардейцев и мушкетеров все по фильму помнят. Так и у нас. Плюсом для нас было то, что префектом в Одессу был назначен Жухрай – военный, полковник, участник АТО. Похоже, что честный.

И похоже, что назначили его как противовес харизматичному Сакарелидзе.

Опять в политику ударился.

Короче говоря, за этот месяц мы кое-как оттоптали себе поляну и договорились о взаимодействии с местной милицией и прокуратурой. Надо сказать, там не такие плохие люди служили, коррумпированными или пофигистами были далеко не все. Таких людей мы постепенно находили, налаживали взаимодействие. Постепенно складывался расклад, такой же, как и в Штатах. Гвардейцы кардинала – то есть местные – занимаются текучкой и бытовухой, то есть берут на себя 80–85 % дел, в основном очевидных, только нуждающихся в оформлении.

¹⁴ Хотелось бы обратить внимание на один момент. В США, например, существуют полиция, шериф и еще существует ФБР. Они не подчинены друг другу и, в общем-то, конфликтуют – но при этом никто не ставит себе цель уничтожить или подчинить оппонента. В России (или Украине), если создать такую систему, в которой у нескольких организаций пересекаются интересы и при этом одна не подчинена другой, они забудут о деле и будут воевать между собой до полного уничтожения или подчинения. Почему так – не знаю.

Неочевидные и потенциально взрывоопасные дела взяли на себя мы. В гостинице, в безопасности, сделали своего рода штаб.

Главным нашим делом на сегодня было пресечение контрабанды. После суда мы выехали фиксировать обстрел постоянного поста близ Орловки. Этот пост поставлен на единственной дороге (М15), которая ведет в городок Рени и украино-молдавское приграничье. Это Днестровский лиман, дорога единственная, больше никак там не проехать. Если ехать по ней, то приедешь в Рени, потом в село Долинское. А дальше Чишмикией – это уже Молдова – и Джурджулешты – уникальное молдавское село на стыке трех границ – Украины, Молдовы и Румынии. С контрабандистами там связаны абсолютно все жители без исключения, потому что никакой другой работы нет. После того как в Рени обнаружили проходящий по дну Дуная спиртопровод из Молдовы, по которому в день могло перекачиваться до 50 тысяч литров спирта, а пограничники ничего не видели, на дороге в Орловку поставили постоянный пост от налоговой службы, таможни и Национальной гвардии. За четыре дня, пока он там стоял, его дважды обстреливали из автоматов, а сегодня ночью – накрыли минометным огнем. В результате туда съехались представители и таможни, и налоговой, и СБУ. После суда туда рванули и мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.